

Полемические заметки
о фильме Никиты Михалкова

В преддверие Года литературы в России мне хочется вернуться к фильму Никиты Михалкова "Солнечный удар" и попробовать высказать то, о чём мало заходила речь в различных откликах, саморекламе по ТВ и хвалебных рецензиях — о литературной составляющей, о бережном отношении к классике. Как-то ленту сразу ввергли в политический водоворот, будто она ток-шоу предаваряла. А ведь есть неконъюнктурные, не сиоиминутные соображения, касающиеся перенесения литературы на экран!

В "Дне литературы" (*сайт*) историк и писатель Анатолий Апостолов в своей апологетической статье даёт высочайшие оценки как раз первоисточникам: "Дневник писателя "Окаянные дни" — давно уже стал надёжным и честным историческим источником по Новой истории России, а рассказ "Солнечный удар" — классическим художественным произведением, в котором отразились бурные диспуты его современников, касающиеся философии и метафизики любви".

Как может субъективный и обжигающий дневник, полный спящей ярости, нелепых слухов, случайных свидетельств, стать "надёжным историческим источником"? — я плохо понимаю. И "отражения бурных дискуссий" в любимом лирическом рассказе Бунина — не разглядел. Но во всей пестроте оценок фильма увидел как раз не художественно-философские дискуссии, а политикански-мировоззренческие. Вот характерная реплика: "Читаю рецензии на Михалкова, где все оценки можно угадать, просто зная, из какого лагеря рецензент. Я, по крайней мере, ещё ни разу не ошиблась. Почти никто не разбирает сам фильм с точки зрения искусства. Оценивают в первую очередь личность Михалкова и его политические взгляды. Некоторые прямо так и пишут: я фильма еще не видел, но уже точно знаю, что — полное г-но", — бросилась защищать в "Комсомольской правде" Наталья Барабаш того, кто сам кого хочешь защитит и сокрушит.

Не знаю, из какого я лагеря, но всё-таки я из литературного стана и потому политики буду касаться в последнюю очередь.

Вот читаю начальный корявый абзац из современной статьи: "1925 год... Приморские Альпы... Именно там Буниным был написан небольшой рассказ "Солнечный удар". Небольшой рассказ, небольшое событие, но рассказ необычен скоротечностью происходящего и трагичностью произошедшего".

С чего это толкователь взял? Никакой особой трагедии сам автор в летней любовной встрече не видит. Это рассказ-воспоминание, рассказ-предчувствие любви, рассказ-предупреждение: не упущи любовь — постареешь на десять лет! Кстати, в следующем году Бунин встретится с последней и драматичной своей любовью — Галиной Кузнецовой.

А пока он вспоминает Волгу, молодость, собственную способность на головокружительный поступок. В этих роскошных Приморских Альпах он вспоминает сонный уездный городок, его русскую бестолковость и неповторимость, с базаром и ботвиньей в прохладной столовой. И гостиница ведь с приличным номером нашлась!

Никита Михалков много раз рассказывал, как мечтал воплотить этот рассказ на экране. Ему даже кто-то сказал: "Сумеешь — тогда режиссёр!". Зря он поверил и загорелся: далеко

не каждый рассказ, даже великого Бунина, можно экранизировать. Уверен: "Солнечный удар" — в частности. Странно, что такой мастер не понял по тексту с самого начала: ведь тут нет главного — женского характера. А без этого никакой русской драматургии, никакого "кина" быть не может. Как говаривал Стива Облонский: "Да, брат, женщины — это винт, на кото-

Александр БОБРОВ

ро все вертится". Тут этот винт мгновенно исчезает, ломается — ни имени, ни характера, ни тонкости отношений. Хотел в черновике молодую маму Ксений назвать, что значит "странствующая, гостья", — убрал. Оставил всего несколько

штрихов портрета, соблазнительных деталей и точных женских фраз. Дальше — безумный поцелуй и... целомудренное пробуждение. А Михалков со своими шатунями окончательно добывает и метафизику, и лиризм бунинского рассказа.

Дальше начинаются мучительные переживания и терзания поручика или самого автора. Можно дотошно снять его неприяканые маршуты, томительные минуты ничегонеделания (включая несколько рюмок водки). И всё-ё-ё, вспоминаая интонацию самого Михалкова. Но наши кинодеятели почему-то верят глупой фразе: талантливый режиссёр (талантливый актёр) может поставить (прочитать с экрана) телефонный справочник и победить. Не может!

И исполнители главных ролей — тем более не выдающиеся актеры — это доказали. Кстати, в Грассе академиком были написаны "Митина

любовь" (1924) и "Дело корнета Елагина" (1925). Оба произведения куда драматичней и кинематографичней!

Убедившись, что снимать, кроме колёсного парохода в швейцарском тумане, соблазнительного загара и летающего шарфика, особо и нечего, Михалков решил привлечь в соавторы сценария Александра Адабашьяна и допридумывать за Бунина трагическую историю, растянув её включением и "постановкой" каких-то записей из "Окаянных дней", писем и собственных толкований. Это был второй решающий промах: дневники ТАК — не экранизируют. Режиссёру уже высказали бесчисленное количество упреков и замечаний — интернет ими переполнен.

Лишь добавлю на будущее, что дневники надо ставить другими средствами и в ином соотношении: например, дневник переживающе-

го унижение Бунина и дневник изменившей ему с женщиной Кузнецовой. Тогда — драматургия, которая была частично использована в фильме "Дневник его жены". А так — вольные и очень дорогостоящие картины-иллюстрации, беспочвенные фантазии.

Иван Бунин — мой любимейший поэт: такая зоркость, пластичность, лирическая пронзительность и точность! Прозу люблю меньше, а 4 ноября, благодаря Никите Михалкову, окончательно понял, какой вред нанесли России навязываемые всеми монархистами и либералами (тут сошлись!) "Окаянные дни".

Помню, мне дали парижское издание на сутки лет сорок назад. Читал книгу ночью и поражался не разоблачительной энергии, а горько жалел надломленного, kloкочущего злобой поэта... Какие-то вещи просто убивали! "Вчера были у Б. Собралось порядочно народу — и все в один голос: немцы, слава Богу, продвигают-

ся, взяли Смоленск и Бологое... Слухи о каких-то польских легионах, которые тоже будто бы идут спасать нас... Немцы будто бы не идут, как обычно идут на войне, сражаясь, завоеывая, а "просто едут по железной дороге" — заимать Петербург... После вчерашних вечерних известий, что Петербург уже взят немцами, газеты очень разочаровали...".

Я не верил, что это может писать в своём уме и так плохо ("идут, идут, идут") русский гений — да, раздавлен событиями и ослеплён яростью, но есть же пределы! Господи, ладно немцы, так ещё и ничтожные поляки — спасители. Мне, сыну русского офицера и советского Героя-лётчика было это дико читать!

И вот в наши дни, когда немцы-поляки снова "спасают" Украину, наступают на Смоленск, фигурально выражаясь, Никита Михалков нажёс свой удар — дал согласие показать свой фильм по ТВ, небрежно бросив: "Это подарок". Спасибо, барин...

Это похоже на публичное признание того, что фильм не удался, что он в прокате — не нужен. Не смог жадно смотреть эту дорогостоящую картину и по ТВ, хотя понимаю, что на большом экране — многое красиво.

Не стану говорить про манерное воплощение довольно-таки немудрёного рассказа, о сути которого Михалков стал вдруг рассказывать... Дворову: "Это — не похоть, это — знак Божий!". Нашёл перед кем божественный бисер метать...

Плохо задуманный фильм показали 4 ноября в новопридуманный праздник народного единства, и потому его политическая составляющая — попёрла в телевизионной сетке на передний план. Вышло и впрямь ненужное развенчание позиций Бунина!

Сразу вспомнился отрывочек из одной публикации журнала "Наш современник". Профессор И.Ильинский в большой статье "Белая правда Бунина" привёл много аргументированных доводов: не возводите дневник брызжущего ненавистью человека (как его телефон в коридоре, который брызжет искрами) в ранг глубокой правды о революции!

Но один довод меня встряхнул больше всего: "Однажды вдруг поймал себя на мысли: Боже мой, да ведь мне, родившемуся в 1936 году, в ноябре 1953 года, когда Бунин умер, было уже семнадцать лет!.. Семнадцать лет я и Бунин жили в параллельных мирах. Я родился в Ленинграде и вырос при советской власти, обучен и воспитан ею; за эту власть, за Родину отдал жизни в Великой Отечественной мой отец и его брат — оба коммунисты; семья наша — мама, сестра, старший брат и я пережили полтора самых страшных года фашистской блокады Ленинграда; я был пионером, комсомольцем, членом компартии, служил стране преданно и честно. И было за что служить — одно образование моё чего стоило!.. Я — из простонародья, но, как говорится, "вышел в люди"... Выходит, Бунин яро и скопом ненавидел меня, мою семью, моих друзей и товарищей, миллионы людей, по его понятию сплошь "большевиков", которые между тем сотворили "советское чудо" — превратили Россию лапотную в Россию индустриальную и электрическую, победили фашизм в Великой Отечественной войне, первыми в мире начали освоение космоса — Боже, да разве надо перечислять все великое, что сотворили "большевики"? И все это псу под хвост?..".

Нет, не всё! И сам Бунин во время войны с фашизмом понял силу нового советского человека — надежду Европы, многое пересмотрел и занёс в совсем другой дневник. Тут ведь у многих тоже всплывал и снова муссируется во-

большевиков велось на протяжении двадцати лет войны советского государства со своим народом по социальному, классовому и религиозному признаку. Бесчеловечная расправа над пленными белыми офицерами в Крыму плавно перешла в следственные помещения ВЧК-НКВД. Там, в отношении подследственных мужского и женского пола велось одинаково жестокие избиения и пытки. Мужчины следователи насиловали своих подследственных

Анатолий АПОСТОЛОВ

обоюдного чувства создаёт ослепительную кристальную чистоту единения двух тел и двух душ в их обоюдном восхождении на высшие планы, с их смутным постижением тождества и единства всего сущего. Для сердца, исполненного любви, нет ничего ненавистного и страшного в этом мире. В силу своего единства с другими душами человек может делиться своей радостью с другими людьми, помогать им. Отказавшись от своей радости, он испытывает счастье, ибо он и мир — одно целое. Бывает, бывает иногда и так, что слепая, "безумная,

Жалко, очень жалко хорошего мальчика Егория, но при этом жалко также и жестоко обманутого миром русского юношу — "господина поручика", забывшего в угаре эротических переживаний обо всём на свете, о своём времени, о часах и о самом себе.

О чём хотели сказать нам писатель Иван Бунин и режиссёр кино Никита Михалков в дневнике "Окаянные дни" и в фильме "Солнечный удар"? О самом главном, о конечном итоге жизни каждого отдельно взятого человека.

"Солнечный удар" и "Красная Дора"

горячая" страсть несёт ещё в себе более великую задачу, чем создание новой жизни на этом житейском поле. Безумная страсть создаёт жизнь и в мире ином, становится способом перехода с земли на небо, от вещей материальных к вещам духовным. И на каждом таком безумном пике акта земной любви партнёры как бы на время умирают, преобразуются и воскрешают для следующего акта созидания. Любовь, удовлетворение, чувство единения, приходящие по ту сторону человеческой жизни, невыразимо сладостнее и сильнее, чем какое-либо человеческое чувство, но они достигаются, благодаря человеческим страданиям и переживаниям. Вот о чём хотел сказать великий русский писатель Иван Бунин в своём рассказе "Солнечный удар". Об этом же самом говорит нам и создатель фильма, сюжетная канва которого строится на череде ярких воспоминаний героя о прошлой своей, в общем-то, заурядной жизни, монотонный шум которой был роковым образом нарушен "нашими чарами" великого страстного чувства под спелым солнцем на белом пароходе.

Фильм Н.С. Михалкова — это великолепная историческая, правдивая трагедия, пронзительная лирическая драма. Его показ по телевидению в День Единения очень своевременен, ибо заставляет наших граждан думать и ещё раз думать о своих судьбах. Этот фильм — ещё одно живое и честное свидетельство, воплощённое в жизнь всеми доступными средствами художественного кино. Этот фильм ещё раз напоминает нам о феномене исторического Возмездия, о законе Воздаяния. Я, как историк и как писатель, неплохо владеющий темой тотального насилия над личностью, нахожусь под глубоким впечатлением от этого фильма. Доблестное русское офицерство и генералы, изменившие присяге. Благодарство и честь, победы и поражения любви, сила и бессилие зла. Женщины-чекистки, "вадькири революции" и их демоны мировой революции во главе с Троцкими и другими бесами. Торжество вульгарного материализма, позитивизма и иррациональная вера в непогрешимость одного человека. Твёрдая (внушенная через страх) вера в виновность всех несогласных с процессом "расчеловечивания" человека. Хорошим мальчиком был Егорий, но бесы и демоны революции испортили его! Он вырос и стал чекистом-палачом. А сколько было испорчено хороших и мальчиков и девочек в детских лагерных комбинатах, на спецпоселениях и детдомах? Далеко не все из них стали учёными, врачами, инженерами и поэтами. Их судьбы не приемлют идеализации и оптимизма.

женщин, жён и дочерей "врагов народа".

А их коллеги женского пола, сотрудницы следственных органов, избивали бесправных узниц или заставляли их избивать друг друга за маленькие послабления в режиме содержания, за обещание не вселять их и в общую камеру к уголовникам-рецидивистам во избежание группового изнасилования.

"Как это случилось?" — главный вопрос на все времена. Баржа, битком набитая пленными белогвардейцами, идущая на дно, увы, не вымысел Ивана Бунина и Никиты Михалкова, это исторический факт. Эта баржа, с распухшими трупами, ещё не раз всплывёт в исторической "обратной перспективе" на поверхность нашего бытия и не раз отомстит нам и нашим потомкам.

Нынешнее зло с его братоубийственными расправами берёт свое начало в Крыму 1920 года, когда над Россией висело "Солнце мёртвых" (Ивана Шмелёва), "СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ" Ивана Шмелёва — это книга о смерти русского человека, русской земли и русского неба. Это книга о смерти русского человека в Крыму, в Москве, в Одессе и во всей Вселенной, о страданиях самого писателя, русского патриота и безутешного отца. Я настоятельно советую прочитать вам книгу Ивана Шмелёва, потому что без неё многое в фильме Никиты Михалкова вам покажется растянутым, недосказанным и не совсем понятным.

И убийство царской семьи в подвале дома Ипатьева и последующее расчленение топорами царственных трупов — есть прямой, сакральный, страшный "плод" того далёкого принародного повешения за Серпуховскими воротами в Москве шестилетнего царевича Ивана — сына венчанной в Кремле на царство царицы Московской Марины Мнишек.

О барже, уходящей на дно вместе с живыми и беспомощными людьми, убедительно и пронзительно написал в своей повести "Красная Дора" не так давно ушедший от нас поэт Виктор Викторович Крамаренко (1951-2013). Его книгу можно условно отнести к жанру "художественно-документальной прозы". В образе главной героини повести — чекистки Доры, сконцентрированы исторические фигуры прославленных своей жестокостью женщин-чекисток — Доры Явлинской (Одесская ЧК); Розалии Залкинд (Крым); Розы Пластининой (Архангельская ЧК), Розы Шаарц и "товарища Веры".

Именно затоплением баржи с живыми людьми, по приказу чекистки Доры (Розалии Залкинд), завершает писатель свою повесть: — Открываем кингстоны. Затем садимся в лодку, плывём к берегу и оттуда наблюдаем

прос: "Как это случилось?". Вроде, офицерство на баржах утопили (Пушков по ТВ дважды к этому сюжету возвращался), интеллигенцию на пароходах выслали, самых отчаянных и преданных в лагерную пыль превратили, а... фашизм СССР сокрушил!

Но Михалкова такие вещи не интересуют — он совершает чудовищную подмену: экранизирует нервический дневник, как эпопею, как общенародную драму, а потому философски, стилистически, нравственно — вышла страшная фальшь.

Михалков навязывает Бунину странные вещи. Главный герой, поручик в 1907 году (в момент романтических воспоминаний) и капитан в 1920-м (как плохо служил-то — Первая мировая прошла!) в большевистском концлагере постоянно задаётся вопросом: "Как всё это случилось?".

Ну, видно, что недалёкий капитан мало читал, но сегодня-то столько открылось и в литературе, и в реальности, столько переключилось! Вообще, отпрыск одной из самых пригнетых властью советских семей давно уверен: в русском бунте, бессмысленном и беспощадном, виновата не власть (я, немножко царь, который не понял гениального Столыпина), а интеллигенция.

Даже ещё конкретнее: русские писатели-классики. Недаром почти ВСЕ каналы показывали дикую "цитату" из фильма, где какой-то офицер в полумраке шипит, внушая герою:

— Ненавижу!

— Что?

— Русскую литературу ненавижу. Сто лет себя говном поливаем... Некрасов — пьянь, картёжник (цитирует строки).

А ведь сто лет — выходит, начиная с боготворимого им Пушкина! Да и неужели Бунин так унижал Некрасова, которого ценили все поэты Серебряного века? Откуда это выкопали Михалков с соавтором Адабашьяном? У Бунина знаю такое суждение: "Часто вспоминаю то негодование, с которым встречали мои будто бы сплошь чёрные изображения русского народа. Да ещё и до сих пор негодуют, и кто же? Те самые, что вскорленились, впоены той самой литературой, которая сто лет позорила буквально все классы, то есть "попа", "обывателя", помещика, чиновника, полицейского, помещика, зажиточного крестьянина".

Чувствуете чудовищную разницу в оценках и интонации?

И так во всём. Вольные интерпретации Михалкова оказались лично мне малоинтересны, а порою просто неуместны. Правда, есть и польза: перечитал "Солнечный удар" с незадачливым поручиком, некоторые записи "Окаянных дней" и окончательно понял, почему так болезненно вершилась революция, столь долго и кроваво длилась гражданская война и почему проиграла те силы, на которые надеялся смятенный Бунин.

И тем более стало ясно, почему не принял, как и многие зрители, пользователи интернета (снова загляните!) очень затянутый и неудачно придуманный фильм знаменитого кинодеятеля. Мне кажется, что он бы прежде всего не понравился самому Ивану Алексеевичу, который со своим безупречным вкусом терпеть не мог подобной мешанины и художественной произвольности.

"О чём хотели сказать нам писатель Иван Бунин и режиссёр кино Никита Михалков в дневнике "Окаянные дни" и в фильме "Солнечный удар"? — прямо вопрошает Апостолов. Я вздрагиваю от подобных вопросов и объединений в несочетаемый пары: слишком люблю и ценю литературу как первоисточник!

достаточное количество времени. О выполнении задания докладываю Вам лично, товарищ Дора.

А может, а может всё же гранатами? А то эти, как их там, кингстоны... — засомневался комиссар.

— Ну, хорошо, захватите с собой пару ящиков гранат, — после недолгих размышлений согласился Швец.

— Есть! — радостно воскликнул комиссар, будто ожидал такого приказа. Ему-то привычны гранаты, чем какие-то там кингстоны, которых он отродясь не видел.

— А деду куда с мотористом? Может их нам с собой забрать? — вмешался Лешак.

— Ни в коем случае! Они ЧК уже приговорены за пособничество белым бандам. Вот вы казнь и осуществите (с.113-114).

В фильме Никиты Михалкова "товарищ Землячка" ни в чём не сомневается. Её не мучает совесть, ей чужды это мелкобуржуазное милосердие и слепящее чувство человечности, в повести же Виктора Крамаренко его внешне уродливая героиня — Красная Дора, после этого бесчеловечного затопления баржи с русскими офицерами внутренне преобразается. Ей вдруг до тошноты становится отвратительным человек в своей ненависти к людям. Чем благороднее лозунги, скрывающие его цели, тем омерзительней его поступки.

"Со святыми в земле упокоятся?" — повторила Дора. — И в земле упокоятся и в воде? По всей видимости, убитые всегда становятся святыми. Как же так? Неповинные и повинные? Кто за правое дело голову сложил, и кто расправляет детям животы? Нет, нет, не может быть такого. Наверное, святыми мучениками становятся те, кто пострадал от упырей и бевос" (с.118-119). Такие думы угнетают главную героиню повести Виктора Крамаренко. Она почти близка к раскаянию.

Это хорошо, когда ещё одна повесть нашего писателя-современника добавляет ещё одну яркую страницу в живое историческое полотно художественного фильма. Этот скромный и талантливый поэт был отзывчивым и добрым человеком. Он помог мне подготовит к изданию сборник стихов и прозы "Озябший ангел". Он познакомил меня ещё с одним оригинальным поэтом, ярким представителем советской технической интеллигенции — Евгением Наумовичем Коганом (1932-2014), автором сборника замечательных рассказов "Благодарности" (М., 2010), где также содержится немало ярких свидетельств о нашей непростой и трагической эпохе.

Видит Бог, приятно осознавать, что продолжают появляться на свет такие произведения искусства, в которых органично переплетается зеркально отображённое художником живописное "легкое дыхание" жизни с её дурманящей раскусок эротикой, и грубая беспощадная реальность подвалов ЧК, где на глазах мужей насилуют их жён и дочерей, а на глазах жён расстреливают их мужей. (Дневник Зинаиды Гиппиус.) Каково Прекрасной Даме находиться в застенках Петроградской ЧК? Но любовь сильнее смерти. Зло побеждено стойкостью Сарии Лакобы и других её духовно стойких подруг. Тощнотворный сладкий запах смерти не может забыть стойкий аромат духов любящей женщины. "И венок древними поверьями её упругие шелка и шляпа с траурными перьями, и в кольцах узкая рука" (А.Блок).

Любовь всё может. Всё терпит и всё превозмощает, как сказал апостол Павел.

"Царство Небесное силой любви берётся, и употребляющие усилие восхищают его" (1мф. 11:12).